

РЕЙЧЕЛ УОРД

ЧИСЛА

ТРИЛОГИЯ

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Бел)-44
У 64

RACHEL WARD

Original English language edition first published in 2009 under the title
NUMBERS 1: TIME TO RUN

Original English language edition first published in 2010 under the title
NUMBERS 2: CHAOS

Original English language edition first published in 2011 under the title
NUMBERS 3: INFINITY

by The Chicken House, 2 Palmer Street, Frome, Somerset, BA 11 1DS

Translation copyright © Chicken House Publishing Ltd.

Text copyright © 2009, 2010, 2011 RACHEL WARD

All character and place names used in this book are © RACHEL WARD
and cannot be used without permission.

The Author/Illustrator has asserted his/her moral rights.

All rights reserved

Перевод с английского

Александры Глебовской («Время бежать»),

Анастасии Бродоцкой («Хаос»),

Екатерины Даровской («Бесконечность»)

Иллюстрация на обложке Сергея Шикина

© А. В. Глебовская, перевод, 2013

© А. М. Бродоцкая, перевод, 2013

© Е. Ф. Даровская, перевод, 2013

© Издание на русском языке,
оформление.

ООО «Издательская Группа

„Азбука-Аттикус“, 2019

Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-16575-5

Есть места, куда ходят подростки вроде меня. Несчастные подростки, трудные подростки, озлобленные подростки, неприкаянные подростки — подростки, не похожие на других. Знаете, где искать, — отыщете нас с полпинка: на задворках магазинов, в переулках, под мостами возле рек и каналов, в гаражах, в сараях, на стройплощадках. Нас таких тысячи. То есть отыщете, если надумаете искать, — нормальным людям это не приходит в голову. Увидев нас, они отворачиваются и делают вид, что в упор не видят. Так им легче. И не верьте в разную фигню, что вроде как каждому нужно дать шанс; про себя-то они радуются, что мы не в школе вместе с их детишками, не срываем им уроки, не портим им жизнь. Учителя думают так же. Полагаете, они расстраиваются, когда утром не обнаруживают нас в классе? Черта с два, они ржут от счастья: очень им нужны на уроках всякие раздолбаи, а нам их уроки нужны и того меньше.

В основном народ тусуется группками, по двое, по трое, шляются, убивают время. А я обычно сама по себе. Люблю отыскать местечко, где вообще никого нет, где можно ни на кого не смотреть и не видеть их чисел.

Вот почему я припухла, когда добралась до своего любимого местечка возле канала и выяснила, что меня опередили. Будь это чужак, какой-нибудь торчок или алкаш, я бы повернулась и ушла, а тут — нате вам — мой однокорытник из «специального» класса мистера Маккалти: дерганый, долговязый, губастый тип по прозвищу Жук.

Увидел меня, заржал, подвалил поближе и потряс пальцем перед моей физиономией:

— Ага, прогульщица! И чего ты сюда притащилась?

Я пожала плечами, глядя в землю.

А он не унимался:

— Что, Макак достал? Я тебя понимаю, Джем, он вообще жесть. Не просекаю, кто его из психушки выпустил.

Жук — здоровый и высоченный. Из тех, кто норовит встать совсем рядом и фиг допрет, что не всякому это приятно. Наверное, из-за этого в школе он постоянно дерется. Вечно маячит перед самым носом, изволь дышать его вонью. Можешь повернуться и уйти, а он тут как тут — мозгов не хватает сообразить, что его вежливо послали. Я его видела только частично, мешал мой капюшон. Но когда он в очередной раз на меня надел и я инстинктивно дернула головой, глаза наши на секунду встретились и я его прочла. В смысле, его число. 15122009. Вот еще и из-за этого мне с ним было не по себе. Число у этого бедолаги — отстой.

Числа есть у каждого, но, похоже, кроме меня, никто их не видит. Собственно, я не то чтобы «вижу», они не висят в воздухе. Просто возникают у меня в голове. Я ощущаю их где-то на обратной стороне глаз. И все же они настоящие. Не верите мне — и сколько угодно, а только они настоящие. И я знаю, что они обозначают. В первый раз врубилась, когда умерла мама.

Числа эти я видела всегда, сколько себя помню. Думала, все их видят. Иду по улице, встречу с кем-нибудь глазами — и вот оно там, число. Помню, озвучивала их маме, когда она меня катала в коляске. Думала, она порадуетя. Скажет, какая я умница. Дождешься.

Был случай, мы как-то шлепали во всю прыть по Хай-стрит в сторону собеса забрать ее недельное пособие. Четверг обычно бывал неплохим днем. Скоро у нее появятся деньги купить эту фигню в заколоченном доме на дальнем конце улицы, и несколько часов она будет очень счастливой. Перестанет крчючиться всем телом, будет со мной разговаривать, может, даже почитает. Мы шлепали, и я радостно выкрикивала число за числом: «Два, один, четыре, два, пусто, один, девять! Семь, два, два, пусто, четыре, шесть!»

И тут мама вдруг резко остановилась и развернула коляску к себе. Присела на корточки, вцепилась в подлокотники, словно заперев меня в клетку своим телом, — вцепилась так, что на руках выступили вены, а синяки и следы уколов стали еще заметнее. Посмотрела мне в глаза — лицо перекошено от злости.

— Так, Джем, — говоря, она плевалась слюной, — я без понятия, что ты несешь, но немедленно прекрати. Башка раскалывается. Не до того сегодня. Поняла? И без тебя гнусно, так что... блин... заткнись.

Слова жалили, как рассерженные осы, она брызгала на меня ядом. И пока мы сидели лицом к лицу, на внутренней стороне моего черепа четко читалось ее число: 10102001.

Через четыре года я смотрела, как мужик в помятом костюме выводит его на бланке: «Дата смерти: 10.10.2001». Я нашла ее утром. Встала, как обычно, оделась для школы, пожевала сухой завтрак. Без молока. Достала его из холодильника, но оказалось, оно прокисло. Отставила пакет в сторонку, включила чайник и, пока он закипал, поела «шоколадных шариков». Потом сварила маме черный кофе и аккуратно понесла его в спальню. Мама лежала в кровати, как-то странно запрокинувшись. Глаза открыты, а подбородок и одеяло все в блевотине. Я поставила кофе на пол, рядом со шприцем.

— Мам? — позвала я, хотя знала: она не отзовется. В комнате никого не было. Она ушла. И ее число тоже исчезло. Я помнила его, но больше не увидела, когда заглянула в тусклые, пустые глаза.

Я простояла там несколько минут или несколько часов — не помню, — а потом спустилась по лестнице и сказала соседке снизу. Та поднялась посмотреть. Меня заставила подождать за дверью, дурища, — можно подумать, я еще ничего не видела. Пробыла она там с полминуты, потом вылетела наружу, и на площадке ее вырвало. Проблевавшись, она утерла рот платком, отвела меня к себе в квартиру и вызвала «скорую». Приехала целая толпа: люди в форме — полицейские, санитары, — а с ними мужики в костюмах, вроде того, с бланком на планшете, и еще какая-то тетка, которая разговаривала со мной как с недоразвитой, а потом просто так взяла и увела меня оттуда — из моего единственного дома.

В ее машине, пока она везла меня хрен знает куда, я все крутила и крутила это в голове. Не числа, а слова. Два слова. Дата смерти. Дата смерти. Если бы я заранее врубилась, что обозначает это число, я бы сказала маме, сделала бы что-то, ну, сами понимаете. Изменило бы это что-нибудь? Если бы она знала, что вместе нам жить всего семь лет? Фиг, она бы все равно ширялась. Ничего бы ее не остановило. Не заставило слезть с иглы.

Мне было паршиво у канала с Жуком. Да, мы были на воздухе, но с ним мне казалось: я в ловушке, взаперти. Он заполнил все пространство своими длиннющими конечностями и все время двигался — а точнее, дергался — и еще вонял. Я поднырнула ему под локоть и выскочила на дорожку.

— Ты куда? — крикнул он мне вдогонку; голос отскакивал от бетонных стен.

— Пойду погуляю, — буркнула я.

— Ну и классно, — сказал он, нагоняя меня. — Погуляем, поболтаем, — добавил он. — Погуляем, поболтаем.

Подошел поближе, к самому плечу, даже касаясь одеждой. Я шагала опустив голову, надвинув капюшон, под кроссовками мелькала тропинка, усыпанная гравием и мусором. Ну и видок у нас, видимо, был: я совсем мелкая для своих пятнадцати, а он — как черный жираф, да еще обкурившийся. Он попытался заговорить, но я молчала. Все надеялась, что ему станет скучно и он свалит. Дождешься. Похоже, чтобы он отвязался, его нужно послать, да и тогда, может, не уйдет.

— Так ты у нас новенькая? — (Я передернула плечами.) — Что, вышибли из старой школы? Плохо себя вела?

Да, вышибли из школы, вышибли из последнего «дома», а до того еще из одного, а еще раньше из другого. Нигде я не приживаюсь. Никто не может понять: мне нужно одно — не перекрывайте мне кислород. А меня вечно поучают, что и как делать. Думают, что, если я начну слушаться, соблюдать режим, мыть руки, говорить «спасибо» и «пожалуйста», все будет хорошо. Ни хрена они не секут. Он сунул руку в карман:

— Курнуть хочешь? Вон, у меня есть.

Я остановилась, смотрела, как он вытаскивает мятую пачку.

— Ну давай.

Он протянул мне сигарету, щелкнул зажигалкой. Я потянулась вперед и втягивала, пока сигарета не загорелась, заодно надыхалась его вони. Тут же отпрянула, перевела дух.

— Пасиб, — буркнула я.

Он тоже закурил — можно подумать, ничего лучше на свете не бывает, потом театрально выпустил дым и улыбнулся. А я подумала: «Ему сроку меньше трех месяцев, всего-то. Все, что осталось в жизни этому придурку, — это прогуливать школу и курить у канала. И это называется жизнь?»

Я присела на груду старых железнодорожных шпал. Никотин меня малость успокоил, но Жуку все было нипочем. Он слонялся туда-сюда, взбирался на шпалы, спрыгивал, раскачивался у самой кромки набережной, опираясь на пятки, отскакивал назад. Про себя я подумала: «Этим он и кончит, идиот, спрыгнет с чего-нибудь и сломает свою дурную шею».

— Ты всегда так вот дергаешься? — поинтересовалась я.

— Так я же не статуя. Не восковая хряпа у Мадам Тюссо. Из меня, чел, энергия прет.

Он что-то сплясал на тропинке. Я не хотела, а улыбнулась. Когда я последний раз улыбалась? Он осклабился в ответ.

— Клёвая у тебя улыбка, — сказал он.

Совсем охамел. Не люблю, когда ко мне пристают.

— Вали, Жучила, — сказала я. — Двигай отсюда.

— Не парься, чел. Я же не в обиду.

— Да, но... я такого не люблю.

— И смотреть на людей тоже не любишь, да? — (Я пожала плечами.) — Народ считает, ты с приветом: вечно смотришь вниз, никому не заглядываешь в глаза.

— Это мое личное дело. Есть причина.

Он отвернулся, столкнул ногой камень в канал.

— Как знаешь. Ладно, больше не буду говорить про тебя ничего хорошего, уговор?

— Ладно, — согласилась я.

В голове у меня зазвонили тревожные колокольчики. С одной стороны, мне больше всего на свете хотелось обзавестись приятелем, хоть немного побыть как все. С другой — что-то верещало: уноси ноги, не вяizzlyвайся. Только привыкнешь к человеку, он тебе вроде как даже понравится — и тут он сваливает. Все сваливают рано или поздно. Я посмотрела, как он перепрыгивает с ноги на ногу, как подбирает камни и швыряет в воду. «Не лезь, Джем, — сказала я себе. — Через три месяца он умрет».

Пока он стоял спиной, я тихонько поднялась со шпал и побежала. Без объяснений, без всяких «до свидания».

Я слышала, как он кричит у меня за спиной:

— Эй, эй, ты куда?

Мысленно я приказывала ему: стой на месте, не догоняй. Голос его затихал, расстояние увеличивалось.

— Ну ладно, как знаешь. Завтра увидимся, чел.

Макак нынче совсем озверел. Кто-то, видимо, довел его с утра пораньше, вот он и отыгрывался на нас. Не возиться, не болтать, опустить головы, проверочная работа (изложение) на тридцать минут. Вся беда в том, что, когда мне велят что-то сделать, меня переключивает. Хочется сказать: пошли-ка вы; когда захочу, тогда и сделаю. Даже если речь о том, что мне в принципе нравится. А уж тут — куда там. Вы не подумайте, читать я умею, но не слишком быстро. Мозгам нужно время, чтобы оприходовать каждое слово. Если я стараюсь читать быстрее, слова начинают путаться и лишаются смысла.

Надо сказать, в этот раз я старалась как могла. Честное слово. Карен, моя нынешняя приемная мать, выдала мне за прогулы по полной программе. Ну вы же знаете, как оно звучит, чего повторять? «Пора взяться за ум... получить хоть какое-то образование... жизнь у каждого только одна...» Она уже пообщалась и с учителями, и с моей соработницей — в общем, с кем обычно, и я подумала: хватит мне приключений на свою голову. Сделаю вид, что прониклась, затихарюсь, отдышусь немного.

Все остальные для разнообразия тоже присмирели. Сообразили, что Макак сегодня встал не с той ноги, и решили его не доводить. Шаркали ноги, раздавались вздохи, но в принципе все сидели спокойно и трудились — или делали вид, что трудятся, — когда в классе без всякого предупреждения будто бы прогремел взрыв. Дверь распахнулась, грохнула об стену, и в класс влетел Жук — будто ядро из пушки. Споткнулся, чуть не бухнулся на пол. Тишины тут же как не бывало. Народ загоготал, заорал и завопил.

Макак не обрадовался.

— Разве так можно входить в класс? Выйди в коридор и войди как цивилизованный человек.

Жук, громогласно вздохнув, шагнул вперед и закатил глаза:

— Да ладно вам, сэр. Я же уже вошел. А то нет?

Маккалти говорил негромко, но с нажимом — если вы понимаете, о чем я, — будто вот-вот взорвется:

— Делай, что я сказал. Войди заново.

— Да зачем вам это, сэр? Мне тут делать особо нечего, но я пришел. Хочу учиться, сэр. — Ехидный взгляд на всех остальных.

ных, встреченный ответным гогомом. — За что вы меня так обижаете?

Макак глубоко вдохнул:

— Я не в курсе, с какой такой радости ты решил сегодня осчастливить нас своим обществом, но ведь зачем-то ты сюда пришел? И если ты хочешь попасть на урок, а я надеюсь, что хочешь, тебе придется выйти, нормально войти, так, как я тебя просил, и потом мы продолжим работу.

Долгая пауза — они тарачились друг на друга. Остальные затихли, дожидаясь, чем кончится дело. В кои-то веки Жук почти не дергался, стоял и пялился на Макака, только одна нога подрагивала. Потом он повернулся и вышел, вот так вот просто. Все глаза, какие были в классе, проводили его до двери, а потом продолжали тарачиться на пустой проем. Он свалил окончательно? Когда Жук появился снова, выпрямившись во весь рост, спокойный, как танк, по классу пронесся гул. На пороге он задержался.

— Доброе утро, сэр, — сказал он и кивнул в сторону Макака.

— Доброе утро, Доусон. — Маккалти смотрел на Жука с подозрением, не понимал, чего это тот так легко сдался. Беспокоила его такая легкая победа. Потом он положил листок с заданием, бумагу и ручку на парту Жука. — Садись, парень, и покажи, на что ты способен.

Жук проскакал к своей парте, а Маккалти вернулся на кафедру и встал там, повернувшись к классу:

— Так, а теперь все угомонились. Осталось двадцать пять минут. Посмотрим, как вы справитесь.

Но после появления Жука нам уже было не уняться. В классе теперь стоял гул. Все ерзали, перешептывались, ножки стульев скребли по полу. Маккалти то и дело делал замечания, пытаюсь восстановить дисциплину:

— Смотрите в свои тетради, пожалуйста. Не размахивайте руками.

Победа ему уже не светила.

А что касается меня — слова теперь плыли и прыгали перед глазами. Полная бессмыслица, набор букв на непонятном языке, каком-нибудь китайском или арабском. Потому что я никак не могла отделаться от мысли: неужели Жук притащился ради меня? Там, у канала, мне показалось, что между нами возникла ка-

кая-то приязнь, и меня это напугало. С тех пор я избегала его, но мне-то казалось, что сам он после того дня обо мне и не вспомнил, а вот теперь я в этом засомневалась. Потому что — чтоб мне провалиться, — когда он скакал к своей парте, он мне подмигнул. Вот хам. Что он о себе думает?

После обеда у Маака все-таки случился перебор. Он что-то бубнил сквозь шум, смех, болтовню — и вдруг умолк.

— Так, убрали учебники, ручки, тетради. Все, я сказал. Живо! — (Так, чего он там еще придумал?) — Давайте шевелиться. Всё убрали с парт. Нам нужно поговорить

Закаченные глаза, зевки — допрыгались, сейчас начнет читать мораль. Мы покидали свои причиндалы в сумки или рассовали по карманам и приготовились к стандартной скукотище: «Безответственное поведение... низкая успеваемость... неуважение к учителю». Ничего такого не последовало.

Вместо этого он принялся прохаживаться между партами, останавливаясь рядом с каждым из нас и произнося по одному слову:

— Безработный. Кассирша. Мусорщик. — Дойдя до меня, он даже не остановился. — Уборщица, — произнес он и двинул дальше. Прошелся так по всему классу, развернулся к нам лицом. — Ну и что вы при этом почувствовали?

Кто смотрел в парту, кто в окно. Почувствовали мы именно то, чего он и добивался. Почувствовали себя дерьмом. Мы и так знаем, что за будущее ждет нас после школы, незачем всяким надутым козлам вроде Маака напоминать об этом к месту и не к месту.

А потом Жук выпалил:

— А я ничего такого не почувствовал, сэр. Это ведь только ваше мнение, верно? Мне-то что с того? Я кем захочу, тем и стану.

— Не станешь, Доусон, в том-то все и дело, и я хочу, чтобы вы все прислушались к моим словам. Судя по вашему отношению к делу, участь ваша решена. Но стоит немного постараться, собраться, поднапрячься сейчас, в выпускном классе, и все может сложиться иначе. Вы получите нормальный аттестат, нормальную характеристику — и сможете добиться гораздо большего.

— А у меня мама кассирша. — Это Шармен, через две парты от меня.

— И в этом нет ровным счетом ничего плохого, но ты, Шармен, если захочешь, можешь стать директором магазина. Всего-то и нужно — взглянуть на вещи пошире, понять, как многого ты можешь добиться. Какими вы себя видите в будущем? Ну чем вы будете заниматься через год, через два года, через пять лет? Лора, начинай.

Он обошел весь класс. Практически никто не имел ни малейшего понятия. Вернее, почти все соображали, что он по большому счету прав. Когда дело дошло до Жука, у меня перехватило дыхание. У этого парня нет будущего, и что, интересно, он скажет?

Жук, разумеется, выдал Макаку по полной. Уселся на спинку стула, будто обращается к целой толпе:

— Через пять лет я буду раскатывать на собственном черном «БМВ», слушать в динамиках классную музыку, а в кармане у меня будут деньги.

Другие мальчишки загоготали.

Маккалти бросил на Жука испепеляющий взгляд:

— И как ты собираешься этого добиться, Доусон?

— Да уж как-нибудь, помаленьку. Купи-продай.

У Маккалти аж физиономию перекосило.

— Воровать будешь, да, Доусон? Торговать наркотиками? — спросил он ледяным тоном. Покачал головой. — У меня просто нет слов, Доусон. Совершать преступления, жить без совести. И это все, к чему ты стремишься?

— А как еще, блин, можно в этом мире разжиться деньгами? Вы на чем ездите, сэр? На этом мелком «опеле-астре», который стоит на парковке? После того, как двадцать лет отпахали в школе? Ну уж нет, я не собираюсь ездить на «астре».

— Доусон, сядь на место и закрой рот. Давайте следующий. Джем, а ты что думаешь?

Откуда мне было знать, что со мной будет дальше? Когда я даже понятия не имела, где буду жить через год. Почему этот скот издевается над нами, заставляет нас нести чушь? Я глубоко вздохнула и ответила как можно вежливее:

— Я, сэр? Я знаю, чего я хочу.

— Уже хорошо. Продолжай.

Я заставила себя взглянуть ему в глаза. 25122023. Сколько ему сейчас? Сорок восемь? Сорок девять? Выходит, он помрет, как

только выйдет на пенсию. Да еще и на Рождество. Да, жизнь — жестокая штука. Испортит своим родным праздник до конца их дней. Так ему и надо, скотине.

— Сэр, — сказала я, — я хочу быть такой... как вы.

На секунду он расцвел, на губах начала проступать улыбка, а потом понял, что я стебусь. Лицо замкнулось, он дернул головой. Рот превратился в тонкую линию, он так стиснул челюсти, что все кости повывлазили.

— Доставайте учебники математики, — рявкнул он. — Зря я на них трачу время, — пробормотал он. — Совсем зря.

Выходя из класса, Жук хлопнул меня поднятой ладонью в ладонь. Я обычно таким не балуюсь, но тут рука поднялась ему навстречу помимо моей воли.

— Клево ты его, чел, — сказал Жук, одобрительно кивая. — Так и надо. Высший класс.

— Спасибо, — сказала я. — Жук?

— Ну?

— Ты ведь не колешься и не нюхаешь, а?

— Да не, ничего серьезного, просто хотел его завести. Он же с полоборота заводится. Ты домой?

— Нет, меня после уроков оставили.

Мне нужно было отстать от остальных, подождать, пока толпа рассосется. Карен будет ждать меня возле ворот. Она тогда провожала меня в школу и встречала из школы, пока я не «завоюю ее доверия». Еще не хватало, чтобы однокласснички увидели меня с ней.

— Ладно, тогда пока.

— Пока. — Он пинком выбросил школьную сумку за дверь, а сам ломанулся следом, и, глядя на него, я подумала: «Не колись и не нюхай, Жук. Жук, я тебя очень прошу. Наркотики — опасная штука».

3

Был такой серый октябрьский день, когда и светать-то толком не светает. И не то чтобы шел дождь, просто в воздухе висели капли, они оседали на лице, размывали все вокруг. Я чувствовала, как вода просачивается под «кенгурушку», как промерзают

плечи и спина. Мы торчали на задворках торгового центра, там, где бетонные стены смыкаются с тускло-зеленоватой полоской канала.

— Пошли внутрь, там хотя бы сухо, — предложила я.

Жук двинул плечами, шмыгнул носом. Даже он сегодня особо не дергался, будто мерзкая погода и из него высосала энергию.

— Денег нет. Да и охранники меня уже знают.

— Я тут торчать не намерена. Холод, вонь и скука.

Жук перехватил мой взгляд:

— А еще чего?

— Все достало.

Он уважительно хмыкнул, потом развернулся и зашагал по тропинке.

— Ладно, давай ко мне. Там только бабуля, а она у меня нормальная.

Я задумалась. Как-то так вышло, что, с тех пор как Карен дала мне немного воли, мы повсюду околачивались вместе — после уроков и в выходные. Впрочем, не все время, иногда Жук тусовался с парнями из нашей школы. Получалось оно, похоже, так: он примажется к ним, а потом они переругаются, даже подерутся, и он на некоторое время отвалит. У мальчишек всегда таким путем. Как у обезьян или львов — вечно они выясняют, кто первым жрет добычу, кто в стае главный. Ну не знаю уж почему, но в ту субботу он к ним не пошел, ошивался вместе со мной, и мы дошли от скуки. Делать было вообще нечего.

Для меня приглашение в чужой дом было делом нешуточным. Собственно, раньше меня никогда никуда не приглашали. Даже в детстве я была не из тех девчонок, которые выскакивают из класса парочками — держась за ручки, хихикая, стреляя глазами. Дом у нас с мамой был не тот, куда можно привести подружку на чай.

— Ну, не знаю, — пробурчала я.

Мне неприятно знакомиться с новыми людьми, я никогда не знаю, смотреть на них или нет. Другим кажется, что я нелюдимка, потому что я не смотрю никому в лицо, а на самом-то деле я пытаюсь не залезать в их жизнь, не узнавать лишнего.

— Как знаешь, — сказал он, засунул руки в карманы и зашагал прочь.

Дождь теперь бил в лицо, это было совсем противно.

— Эй, стой! — крикнула я и побежала следом. Мы пошли вместе, надвинув капюшоны, по раскисшей лондонской грязи.

До его дома оказалось минут пять. Это была одна из безликих невысоких построек, разделенных на блоки, перед Парк-Эстейт. Квартира Жука располагалась в середине дома, на первом этаже, перед входом — клумбочка. Клумбочка еще та — трава да несколько цветочков, зато вокруг полно совершенно улетных фигурок: гномики, зверюшки. Отвал башки.

— Классный садик, — сказала я и сама не поняла: восхищаюсь или издеваюсь. Жук скорчил рожу.

— Бабка наставила, — сказал он. — Она у меня чокнутая.

Он перескочил через невысокую ограду и начал пробираться сквозь цементную толпу. Хотел было лягнуть ногой особенно уродского гнома.

— Эй, не смей! — крикнула я. Жук замер. — Они классные. Не бей их.

— Блин, и ты туда же. — Он покачал головой и дождался, пока я открою калитку из облупившихся металлических трубок и пройду по дорожке. Потом распахнул дверь — она, похоже, была не заперта — и проорал:

— Это я, бабуль! Другана привел.

Я, конечно, нервничала, но отметила, что он сказал «друган». Мне это понравилось.

Узкая прихожая, а потом сразу большая комната. Все полки, вообще все поверхности уставлены всякой дребеденью: фарфоровые зверюшки, тарелочки, вазочки. Представьте себе все барахолки в мире, все, что висает там, потому что никому не нужно, — и картинка перед вами. Табачиной при этом воняло — будь здоров. Окна, похоже, не открывались. Облако дыма тянулось из соседней комнаты, и я вслед за Жуком двинула туда. Бабуля его сидела на высокой табуретке у барной стойки, перед носом газета, в руке чашка чая, в зубах сигарета. На внука она была совсем не похожа. Маленькая, белая, как я, с коротким ершиком волос, выкрашенных в темно-бордовый цвет. Лицо морщинистое, суровое. Я заметила, как Жук нагнулся чмокнуть ее в щеку, и подумала, что, встретить я их на улице, никогда бы не подумала, что они родственники. Но теперь ведь оно всегда так, верно? Дни семейных фотографий — мама, папа, двое детишек, все при параде, все на одно лицо, они вообще когда-то были? Они еще где-

то остались? Уж точно не здесь. Здесь семьи такие, какие есть, типа одна бабуля, как у Жука, или вообще никого, как у меня, — будь ты черный, белый, коричневый, желтый или какой угодно. Так уж оно.

Жук отступил на шаг, и бабуля посмотрела на меня.

— Привет, — сказала она. — Я Вэл.

Я старалась не поднимать глаз, но почему-то все-таки взглянула ей в лицо, и она тут же поймала мой взгляд. Отвернуться было никак. Глаза у нее оказались удивительные — орехового цвета радужки и яркие, чистые белки, несмотря на курение. И она не просто смотрела, не так, как все остальные. Она разглядывала меня, высматривала всю подноготную. Я прочла ее число: 2022054. Курит как паровоз, а проживет еще сорок пять лет. Респект.

— Ну и кто ты такая? — спросила она. Слова прозвучали не приветливо, хотя она, наверное, ничего такого не имела в виду.

Я никак не могла собрать мысли в кучу, даже имя свое не могла вспомнить. Будто кролик, попавший в прожектор ее глаз.

Жук пришел мне на помощь:

— Ее зовут Джем. Мы вместе посмотрим телик.

— Обожди. Не сбегай сразу. Присядь-ка, Джем. — Она кивнула в сторону еще одной табуретки.

— Ба-аб, оставь ее в покое. Не приставай.

— Ты язык-то не распускай, Терри. Не слушай его, садись. — Она похлопала по табуретке: ладони у нее были маленькие, с длиннющими загнутыми желтыми ногтями. Я покорно влезла на табуретку. Бабуля Жука была не из тех, с кем можно препираться, а кроме того, было в этом и что-то еще. Я это чувствовала, между нами будто бы проскакивали электрические искры. Это было и страшно, и интересно. Я все не сводила с нее глаз, и когда подвинулась на табуретке, чтобы поймать равновесие, она отложила сигарету и взяла меня за руку. Я не люблю, когда меня трогают, это вы уже знаете, но тут я не отдернула руку. Не смогла, и мы обе почувствовали: когда ее кожа соприкоснулась с моей, раздалось гудение, треск.

В нос мне ударил табачный перегар. Аж затошнило. Я и сама люблю курнуть, но вдыхать чужую табачину?.. Вообще жуть.

— Ты удивительный человек, я еще таких не встречала, — продолжила она, а я подумала: «Уж это-то точно, только тебе откуда знать?» — Ты знаешь, что такое аура? — спросила она.

Жук, который снова вошел в комнату, в ответ возмущенно фыркнул:

— Да отвяжись ты от нее, баб. Отстань, дура старая.

— Рот закрой! — Бабуля снова повернулась ко мне, и ее слова, произнесенные медленно и отчетливо, вошли мне в самое нутро, будто я слушала всем телом, а не только ушами: — Я еще не видела такой поразительной ауры, как у тебя.

Я понятия не имела, о чем она, но разобраться хотелось.

— Аура, Джем, — это твоя внутренняя энергия. Она разноцветная, и каждый человек излучает ее наружу. А рассказать о человеке она может больше, чем все остальное. Есть она у всех, да только далеко не все ее видят. Только те, кому повезло. — Старухины глаза сузились. — Ты ведь ее тоже видишь, да?

— Нет, — ответила я честно. — Я вообще не понимаю, о чем вы говорите.

— Бред она несет, только и всего, — вклинился Жук.

— Эй, сынок, ты меня сейчас доведешь! Рот заткни! — Бабуля наклонилась ко мне еще ближе и понизила голос: — Мне ты можешь сказать, Джем. Я пойму. Это одновременно и дар, и проклятие. Знать то, чего знать совсем не хочешь.

У меня аж живот подвело. Выходит, она знает, каково это. Я впервые встретила человека, который меня понял. Блин, как же мне хотелось все ей выложить, страшно хотелось, вот только пятнадцать лет хранить тайну — это немалый срок. И захочешь — никому не скажешь, потому как привык молчать. А еще в глубине души я знала: стоит мне начать об этом говорить, хотя бы вот даже с бабушкой Жука, — и все изменится. А я не была к этому готова. Тогда не была.

— Нет. Ничего такого, — пробормотала я. Умудрилась вырваться из когтей ее пронзительного, всевидящего взгляда.

Она откинулась назад и вздохнула — я, почитай, видела, что она выдыхает, столько в ней было табака.

— Как знаешь, — сказала она, зажигая очередную сигарету. — Ты теперь знаешь, где меня искать. Я здесь. Я всегда здесь.

Я слезла с табуретки и отправилась в комнату Жука; почти чувствовала, как она сверлит мне спину взглядом.

Жук развалился поперек кресла, свесив длинные ноги; стопы его подергивались.

— Ты на нее не обращай внимания. У нее несколько лет назад крыша окончательно съехала. Так ведь, бабуль? — проорал

он. — Чего смотреть будем, спорт? — спросил он у меня, переключая каналы.

Я пожала плечами, потом заметила на полу черную коробочку:

— Плейстейшн?

Жук вылез из кресла, плюхнулся на ковер и начал перебирать коробочки с играми.

— Давай в «Угон автомобилей»? — предложил он.

Я кивнула.

— Только шансов у тебя ноль, — предупредил он. — Я в этом деле не лох. И езжу так, что просто дым коромыслом.

Он не соврал. Я могла бы и заранее сообразить. Стрелять и гонять на машинах такие парни умеют. У них это с рождения, надо думать. Я, разумеется, не собиралась сдаваться, но по быстроте и напору мне было до него как до луны. Он вкладывал в игру всю душу, сосредоточивался так, будто от этого зависит его жизнь, играл прямо всем телом. Я делала что могла, но он каждый раз выигрывал.

— Для девчонки неплохо, — поддразнил Жук.

Я показала ему задранный указательный палец. Жук улыбнулся, и мне вдруг подумалось, что в доме тридцать два по Карлтон-Виллас мне самое место.

Потом мы немножко посмотрели телик, но показывали все какую-то чушь. Фигню вроде «Фабрики звезд». Бездарные идиоты стоят как бараны в очереди в надежде, что выбьются в звезды. Придурки. Даже те из них, кто умеет петь. Они и правда думают, что мир ждет их с распростертыми объятиями, — вот вам слава, деньги и все остальное? Всякие жадюги вроде Саймона Коуэла выкачают из них столько денег, сколько получится, а потом вышвырнут обратно в канаву. Какое уж тут будущее? Так, потешить собственный эгоизм. Отстой. И все же мы с Жуком неплохо провели время, дружно хохоча над ними. Оказалось, нас смешат одни и те же вещи. И вообще, в этой комнате было здорово, несмотря на табачный дым и на то, что от Жука, как обычно, воняло, — хотя меня ни на миг не оставляла мысль, что бабка его так и сидит там на кухне, как какая-то птица, кондор или ястреб, что-то в этаким роде. Хищная птица. Слушает нас. Выжидает.

— Мне пора, — сказала я через некоторое время.

Жук выкарабкался из кресла.

— Я тебя провожу.

— Да ладно. Тут недалеко.

— Давай отвезу, у меня тачка есть. — Он запнулся. — Вернее, можно достать.

Я посмотрела на него в упор. Он говорил серьезно — судя по всему, пытался произвести на меня впечатление. Я пошла к выходу. Еще не хватало впутываться в такие дела. Мало мне приключений на голову. Я слышала, как бабка его возится в кухне: хлопнула дверца микроволновки, раздался писк — она устанавливала таймер.

— Тебе ужинать пора, — сказала я. — Давай, до скорого. До свидания! — крикнула я от дверей его бабке: мне совсем не хотелось идти обратно на кухню и снова вступать с ней в разговор. Тут ее лицо возникло в кухонном дверном проеме. Между нами, соединяя нас, сверкнула молния, и глаза наши снова встретились.

— Пока, лапа моя, — сказала она. — Еще увидимся.

Она в этом, похоже, не сомневалась.

4

— Опишите лучший день в своей жизни. Не зацикливайтесь на орфографии и пунктуации. Главное — быстро. И пишите то, что думаете.

Очередной пример жестокости Макака — знает, как напомнить нам про мерзость и бессмысленность нашего существования. И чего он ждет? «День, когда папа подарил мне нового пони»? «Как мы на каникулах ездили на Багамы»? Лично я не люблю вспоминать прошлое. Какой смысл? Прошлое — оно в прошлом, там ничего не изменишь. И не выберешь из него один день, не скажешь: вот этот — самый лучший. Уж легче выбрать самый худший, тут несколько претендентов, хотя фиг я стану рассказывать про них Макаку. Какое его собачье дело? Я подумала: вот возьму сейчас и откажусь. Что он со мной сделает? А потом внутри у меня что-то щелкнуло, и я подумала: «Ладно, сейчас напишу, сам напросился». Я взяла ручку и начала писать.

— Время! — Протестующие вопли. — Прекратили писать. Не закончили — не важно. Сдавать мне не надо, будете читать вслух.

Уорд Р.

У 64 Числа : трилогия : романы / Рейчел Уорд ; пер. с англ. А. Глебовской, А. Бродоцкой, Е. Даровской. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. — 640 с.

ISBN 978-5-389-16575-5

«Числа» Рейчел Уорд заворожили весь мир. История о подростках, способных *видеть* дату смерти человека, поразила воображение читателей в самых разных частях планеты — от Бразилии до Пекина. Если разобраться, в «Числах» речь идет не о смерти. Это книга о том, как жить с этой способностью, с этим опасным знанием.

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

РЕЙЧЕЛ УОРД

ЧИСЛА ТРИЛОГИЯ

Ответственный редактор Ольга Рейнгверц
Художественный редактор Сергей Шикин
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректор Анна Быстрова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 04.03.2020. Формат издания 84 × 108 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 33,6.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

H-ZYA-25035-02-R